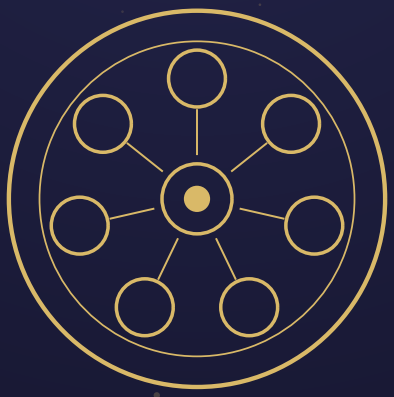
СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

Введение

«Уста Мудрости закрыты, за исключением ушей Понимания.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

КИБАЛИОН

Введение

«Уста Мудрости закрыты, за исключением ушей Понимания.»

Перед тобою — врата семи трактатов, и прежде чем отворить первые из них, путнику надлежит узнать, куда он входит и по чьему следу идёт. Книги эти написаны по учению *Кибалиона* — свода герметических истин, что веками передавался от учителя к ученику не печатным словом, а тихой речью, от уст к уху. Семь начал, семь аксиом, семь ступеней одной лестницы: каждой посвящён отдельный трактат, и каждый может быть прочитан сам по себе — но лишь все вместе они складываются в единый ключ.

Что есть Кибалион

Кибалион — не книга в обычном смысле, а собрание максим, изречений и наставлений, чьё происхождение теряется в глубине веков. Долгое время оно существовало только изустно: учителя герметической традиции запрещали записывать его, дабы истина не попала в руки неготовых и не была обращена в мёртвую букву. Лишь в начале двадцатого столетия трое, скрывшие свои имена под подписью **Три Посвящённых**, изложили эти максимы письменно и снабдили их толкованиями — не для толпы, а для тех, кто ищет.

Само учение возводит себя к **Гермесу Трисмегисту** — Гермесу Трижды Величайшему, легендарному мудрецу древнего Египта, которого эллины отождествили со своим богом-посланником, а египтяне чтили под именем Тота, писца богов и владыки священного слова. Был ли он человеком, жившим на заре времён, или собирательным ликом целой школы — спор этот оставим историкам. Для традиции важно иное: от него исходит *метод* — способ видеть за пёстрым занавесом явлений немногие простые законы, которыми движется всё.

«Уста Мудрости закрыты, за исключением ушей Понимания.»

Эта максима стоит у порога всего учения. Она означает не то, что истину прячут, а то, что истина сама не входит в затворённый слух. Читатель, открывший эти трактаты из праздного любопытства, найдёт в них лишь красивые слова; открывший их с вопросом — найдёт ответ, соразмерный вопросу.

Почему начал именно семь

Герметическая мудрость не множит сущностей. Из всего необозримого разнообразия мира она выделила семь начал — не потому, что их не могло быть шесть или восемь, а потому, что именно эти семь, будучи поняты вместе, покрывают всё поле опыта: природу реальности, её строение, её движение, её двойственность, её дыхание, её закон и её плодородие. Убери одно — и здание осядет; прибавь лишнее — и оно станет украшением, а не опорой.

Семь начал не стоят в ряд, как книги на полке, — они вложены друг в друга, как круги на воде. **Ментализм** есть основание: всё прочее совершается внутри Ума. **Соответствие** — метод: по нему малое читается в великом и великое в малом. **Вибрация**, **Полярность** и **Ритм** описывают движение: всякая вещь колеблется, всякая имеет два полюса, всякая качается между ними. **Причина и Следствие** — закон, скрепляющий движение в порядок. И **Пол** — тайна порождения: как из встречи двух начал рождается новое. Кто удержит в уме эту связь, тому семь трактатов предстанут не семью книгами, а семью главами одной.

Семь аксиом

Вот они, в том порядке, в каком пойдут трактаты. *Первое — Ментализм:* «ВСЁ есть Ум; Вселенная мысленна». *Второе — Соответствие:* «Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху». *Третье — Вибрация:* «Ничто не покоится; всё движется; всё вибрирует». *Четвёртое — Полярность:* «Всё двойственно; всё имеет полюса; всё имеет свою пару противоположностей». *Пятое — Ритм:* «Всё втекает и вытекает; всё имеет свои приливы и отливы». *Шестое — Причина и Следствие:* «Всякая причина имеет своё следствие; случай есть лишь имя незнаемого закона». *Седьмое — Пол:* «Пол — во всём; всё имеет своё мужское и женское начало».

Заметь: ни одна из аксиом не требует веры. Герметизм — не вероисповедание и не церковь; он не спорит ни с одной религией и не подменяет собою науку. Он предлагает **рабочие принципы** — и приглашает проверить их единственным способом, каким проверяется подобное знание: приложить к собственной жизни и посмотреть, что изменится.

Искусство, а не только знание

Древние говорили: обладание знанием без его применения подобно обладанию сокровищем, зарытым в землю, — оно не питает и не греет. Все семь трактатов сходятся к одному деланию, которое Кибалион называет **ментальной трансмутацией**: искусству претворять одно состояние ума в другое — страх в мужество, смуту в ясность, уныние в тихую силу. Это и есть подлинная алхимия; свинец и золото в ретортах старых мастеров были лишь притчей о ней.

«Истинная герметическая трансмутация есть ментальное искусство.»

Оттого каждый трактат кончается не выводом, а упражнением и созерцанием. Принцип, оставшийся умозрением, мёртв; принцип, вошедший в привычку взгляда, меняет самого смотрящего. Не спеши мерить успех величиною перемен — мерь его постоянством практики. Малое усилие, повторяемое всякий день, сильнее великого порыва, случившегося однажды.

Как читать сии трактаты

Читай по порядку — хотя бы в первый раз. Ментализм закладывает основание, без которого прочие начала повисают в воздухе; Соответствие даёт метод, которым читаются остальные; а Пол, завершающий ряд, опирается на всё, что было прежде. При втором чтении порядок волен: возвращайся к тому началу, которого требует твой день.

Читай медленно. Эти страницы писаны не для глотания, а для жевания: одна глава в вечер — добрая мера. Встретив изречение, выделенное в тексте, остановись и дай ему отзвучать; максимы Кибалиона устроены как камертоны — они настраивают, если им позволить прозвучать до конца. И не верь на слово ничему, что здесь сказано: *проверяй*. Герметическая традиция не боится проверки — она боится лишь равнодушия.

Наконец, помни о мере. Учение это трезво: оно не обещает чудес, не отменяет труда и не ставит человека на место Всевышнего. Оно обещает лишь одно, но великое: что познавший законы перестаёт быть их слепым орудием и становится их сознательным работником. **Не власть над миром, а власть над собою** — вот подлинный дар семи начал; всё прочее прикладывается к нему само.

Напутствие

Теперь врата открыты. За ними тебя ждут: Ум, в котором всё пребывает; лестница соответствий, соединяющая верх и низ; струна, что звучит во всякой вещи; ось, на которой сходятся противоположности; маятник, качающий миры и настроения; цепь причин, не знающая разрывов; и брак двух начал, рождающий всякое новое. Семь дверей — одна обитель.

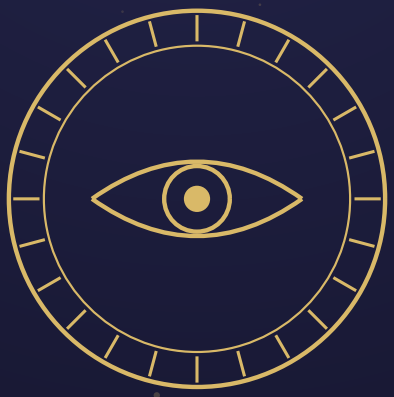
Входи неторопливо, как входят в старый храм: с непокрытой головой мысли и тихим шагом внимания. Где станет трудно — остановись и перечти; где станет ясно — не обольщайся и иди дальше. И пусть на всём пути тебя сопровождает то расположение духа, с которого начинается всякое подлинное учение: *готовность услышать*. Ибо уста Мудрости, как сказано, закрыты — но они отворяются сами, едва находят уши Понимания.

. . .

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

I

Принцип Ментализма

«ВСЁ есть Ум; Вселенная мысленна.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО I

Ментализм

«ВСЁ есть Ум; Вселенная мысленна.»

Есть изречение, которое лежит в основании всего герметического знания, словно краеугольный камень под невидимым храмом: *«ВСЁ есть Ум; Вселенная мысленна.»* В нём нет ни грана поэтической вольности — это точное описание природы вещей, как её видели Три Посвящённых, унаследовавшие свет от Гермеса Трижды Величайшего. Кто вместит этот Принцип, тот получит в руки ключ, отпирающий двери, у которых напрасно стучались тысячи. Не потому, что ключ прячут, а потому, что рука, привыкшая к тяжести вещества, не сразу узнаёт замок из мысли.

Природа ВСЕГО как Ума

Прежде чем говорить о Вселенной, герметист учится молчать о ВСЁМ. Ибо ВСЁ — та изначальная Реальность, что стоит за всеми явлениями, — по существу своему непознаваемо и неизреченно. Мы не можем сказать, *что* оно есть; мы можем лишь верно сказать, *чем* оно не является. Оно не есть материя, ибо материя подвержена изменению и распаду. Оно не есть энергия в грубом смысле, ибо энергия слепа и не ведает себя. Остаётся третье, и герметическая мудрость называет его именем самого высокого, что человек знает в себе, — Умом.

Назвать ВСЁ Умом — не значит уподобить его человеческому рассудку, суетливому и дробному. Это значит утверждать, что глубочайшая природа Реальности сродни **сознанию**, а не мёртвому веществу. Живое рождается из живого, мыслящее — из мыслящего. Немыслимо, чтобы сознание выросло из бессознательной пыли, как немыслимо, чтобы свет затеплился от совершенной тьмы. Значит, у корня всего лежит нечто, что вернее назвать Бесконечным Живым Умом.

> *«ВСЁ ЕСТЬ; и это столь же истинно, сколь то, что ВСЁ есть Ум, в котором рождаются, живут и имеют своё бытие мириады вселенных.»*

Вселенная как мысль в Уме ВСЕГО

Как же из непознаваемого ВСЕГО является пёстрый, звучащий, движущийся мир? Герметист отвечает образом, доступным каждому: **Вселенная есть мысленное творение**. Подобно тому как художник или мечтатель создаёт в своём воображении целые царства, населяет их лицами и судьбами, — так и ВСЁ силою бесконечного Ума порождает Вселенную и всё, что в ней, удерживая её в бытии единым непрерывным актом мышления.

Рассмотри собственный сон. В нём есть небо и земля, есть время, текущее от события к событию, есть другие люди, говорящие тебе слова, которых ты будто бы не знал наперёд. Целый мир — и весь он не более чем мысль, разыгранная на сцене твоего ума. Пробудившись, ты не находишь его обломков; он был, пока ты его мыслил, и исчез, когда мысль угасла. Герметист говорит: *так и мы пребываем внутри Божественного Сновидения* — с той разницей, что Мыслящий не спит и не забывает, и потому мир Его устойчив и подчинён закону.

Отсюда следует величайшее: законы природы, которым мы дивимся, суть не оковы, наложенные извне, а привычки мысли ВСЕГО, ритмы Его созерцания. Постоянство звёзд, верность чисел, неизменность стихий — это верность Ума самому себе.

Иллюзорность и реальность мира

Здесь начинающего подстерегает соблазн, и его надо назвать прямо. Услышав, что мир мысленен, легкомысленный ум восклицает: «Значит, всё — обман, и ничего нет!» Но это не мудрость, а её тень. Герметизм не учит, будто мир не существует; он учит, что мир существует **не так** и **не на том уровне**, как мнит невежда.

Проведём различение, которое хранили Посвящённые. Вселенная *реальна ровно настолько*, насколько реальна мысль в Уме, её мыслящем, — а мысль эта могущественна беспредельно. Но Вселенная *иллюзорна*, если принять её за самостоятельную, за конечную опору, за то ВСЁ, чем она не является. Ошибается не тот, кто видит гору, а тот, кто полагает гору вечной и самосущей.

«Полуистина, что Вселенная есть Иллюзия, опаснее полной лжи;
ибо она разрушает, не давая взамен опоры.»

Мудрый ходит по этой земле твёрдо, зная её призрачность, но и чтя её закон. Он подобен человеку, что знает правила игры и оттого играет лучше, а не бросает доску. **Знание мысленной природы мира не уводит из жизни — оно возвращает в неё зрячим.**

Сила мысли и ментальная трансмутация

Если Вселенная мысленна, то и всякая вещь в ней есть в основе своей ментальное состояние, а состояние ума можно менять состоянием ума. В этом — тайна того, что герметисты назвали **Ментальной Трансмутацией**: искусством претворять одно умственное состояние в другое, подобно тому как алхимик мнил превращать неблагородный металл в золото.

Обыденный человек — раб своих настроений: они находят на него, как погода, и он мнит их собою. Герметист же научается стоять не под волной, а над нею. Он знает, что страх, уныние, гнев суть ментальные вибрации, а всякую вибрацию можно поднять на иную высоту усилием направленной воли и мысли. Он не *подавляет* низшее — он *претворяет* его в высшее, как холод претворяется в тепло прибавлением огня, а не отменою холода.

И действие это не заперто в стенах собственной души. Поскольку все умы укоренены в едином Уме, мысль устремлённая касается и внешних обстоятельств — не колдовством, а по родству природы. Оттого древние берегли мысль строже, чем поступок: ибо поступок есть уже застывшая мысль, а мысль — поступок, ещё текучий и потому подвластный.

Человек как мысль, наделённая сознанием

Кто же тогда человек в этом мысленном строе? Герметист отвечает со сдержанным величием: человек есть *мысль в Уме ВСЕГО, но мысль, пробудившаяся к сознанию самой себя*. Здесь его отличие от камня и звезды, которые тоже суть мысли Божьи, но мысли спящие. Человеку дано редкое: сознавать, что он мыслим, — и оттого начать мыслить сообразно.

В этом двойственность нашего положения и всё его достоинство. Мы — создания, удерживаемые в бытии не своею силой, и в этом наша малость и смирение. Но мы созданы **по образу Мыслящего**, наделены искрой той же творческой способности, и в этом наше величие и ответственность. Раб обстоятельств — тот, кто забыл о первом; безумец — тот, кто, помня о втором, возомнил себя ВСЕМ. Мудрый держит оба конца.

«Ты — не жертва Вселенной, но и не господин её; ты — мысль, что училась мыслить, и потому призвана мыслить достойно.»

Практика умственного делания

Принцип, не сходящий в жизнь, мёртв. Оттого завершим не отвлечённостью, а деланием. Первое упражнение герметиста — **наблюдение**. Всякий день понемногу отступай от потока своих мыслей и смотри на них, как смотрят на реку с берега. Кто научился видеть мысль, тот уже не вполне её раб; между ним и нею явился зазор свободы.

Второе — **избрание**. Убедившись, что состояния можно менять, перестань принимать первое пришедшее. Встречая в себе низшую вибрацию, не борись с нею лоб в лоб, но тихо вызови и удержи противоположную, высшую, — и дай ей вытеснить низшую полнотою присутствия. Это труд, а не заклинание; он требует повторения, как всякое искусство.

Третье — **строй**. Устрой свой внутренний мир, как мудрый устрояет дом: пусть в нём царит мысль, которою ты хотел бы жить, ибо она есть семя твоего завтрашнего мира. Помни ежечасно, что ты пребываешь в Уме, и что Ум пребывает в тебе; и всё меняющееся вокруг возьми не как темницу, а как ткань, на которой Мыслящий пишет — и позволяет писать тебе.

Созерцание

Остановись теперь и умолкни. Вокруг тебя — не мёртвые стены и косное вещество, но живая мысль Бесконечного Ума, и ты сам — струна в этом созерцании, звучащая и слышащая разом. Не бойся призрачности мира: призрачна волна, но не море. Дыши ровно и помни одно, простое, как рассвет: *ВСЁ есть Ум, и ты — в Уме, и Ум — в тебе*. Держи эту мысль тихо и верно, и она поведёт тебя дальше всяких слов.

· · ·

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

II

Принцип Соответствия

«Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО II

Соответствие

«Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху.»

Есть в древнем корпусе герметических истин один закон, который служит мостом между всеми прочими, — Принцип Соответствия. «Как вверху, так и внизу; как внизу, так и вверху», — говорит Кибалион устами Трёх Посвящённых, и в этой строке, отзвуке легендарной Изумрудной Скрижали Гермеса Трижды Величайшего, заключена не поэтическая вольность, а точный инструмент познания. Там, где Принцип Ментализма учит, что *Всё есть Мысль*, Принцип Соответствия учит, что эта Мысль сложена по единому чертежу на всех своих уровнях, и потому знающий одну ступень лестницы способен читать остальные.

Три великих плана и единый чертёж

Древние делили проявленную Вселенную на три великих плана: Физический, Ментальный и Духовный. Не следует представлять их как этажи здания, разделённые перекрытиями, — вернее видеть в них три степени плотности одной субстанции, три октавы единой вибрации. То, что на плане плоти является притяжением тел, на плане ума становится притяжением мыслей, а на плане духа — влечением души к своему Истоку. Меняется не закон, меняется лишь материя, в которой он себя являет.

Оттого Принцип Соответствия и обретает свою силу: планы **согласованы**. Между ними нет глухой стены, а есть незримая соразмерность, по которой всякое движение наверху отзывается внизу, и всякое волнение внизу поднимается вверх. Кибалион недаром удваивает максиму — «как внизу, так и вверху»: соответствие взаимно, лестница проходима в обе стороны, и ученик, начавший с малого и явленного, восходит к великому и сокрытому тем же путём, каким закон нисходит от Вечного к преходящему.

«Единый узор ткёт всё сущее — и звезду, и мысль о звезде, и того, кто мыслит.»

Закон аналогии как ключ к неведомому

Всякое подлинное знание начинается там, где известное протягивает руку неизвестному. Мы не в силах ступить на дальний план прямо — чувства туда не досягают, а разум блуждает. Но нам дан обходной путь: *аналогия*. Если строение видимого повторяет строение невидимого, то, изучив явленное с должным тщанием, мы получаем очертания сокрытого, подобно тому как по тени на стене судят о предмете, что её отбросил.

Так поступали все истинные посвящённые. Не имея власти взойти к природе Абсолюта, они всматривались в природу человека — ближайшее им подобие — и через неё восходили к догадке о Высшем. Древний астролог, не покидая земли, читал в чертеже небес чертёж судьбы, ибо верил: движение великих светил и движение малой жизни начертаны одной рукой. Аналогия — это не украшение речи, а **орудие мысли**, единственный мост, по которому разум переходит пропасть, отделяющую доступное от недоступного.

Микрокосм и макрокосм: человек как малая вселенная

Из всех соответствий самое драгоценное для ищущего — то, что связывает человека с Целым. Древние называли человека *микрокосмом*, малым миром, свёрнутым отражением *макрокосма*, мира большого. Не в переносном смысле, а по строгому закону: в человеке повторены все планы бытия. Тело его причастно Физическому плану и сложено из тех же стихий, что земля и звёзды. Ум его причастен плану Ментальному и мыслит теми же законами, какими мыслит Вселенная. И есть в нём искра, причастная плану Духовному, — та, о которой сказано, что она единосущна своему Истоку.

Отсюда — величайшее из практических следствий герметизма: **познай себя, и познаешь Всё**. Не потому, что человек тщеславно поставлен в центр, а потому, что он есть точнейшая из доступных нам моделей мироздания, единственная лаборатория, куда наблюдатель допущен изнутри. Постигая устройство собственной воли, внимания, воображения, ученик читает по ним устройство сил, что движут мирами. Малое здесь не мельче великого по достоинству — оно лишь ближе к руке.

«Всё, что рассеяно по небу, собрано в тебе; ты — свиток, где Вселенная записала себя убористым почерком.»

Соответствие как метод познания скрытого через явленное

Обратим теперь принцип в способ действия. Пусть перед нами загадка одного из высших планов — природа мысли, посмертное странствие души, устройство воли Первопричины. Прямого доступа нет. Но есть метод: найти на плане низшем и явленном верное подобие искомого и с должной осторожностью перенести его строение вверх.

Желаешь понять, как замысел Творящего Ума облекается в формы мира? Всмотрись, как твой собственный замысел облекается в поступок: как смутное побуждение сгущается в отчётливый образ, образ — в решение, решение — в движение руки. Здесь, в малом акте творения, разыгран в уменьшенном масштабе великий акт мирового Демиурга. Желаешь постичь притяжение душ друг к другу? Наблюдай, как одна мысль влечёт за собою родственную ей мысль. Метод соответствий превращает всякую наблюдаемую вещь в *окно*, сквозь которое виден недоступный прямому взгляду порядок вещей высших.

О границах аналогии: предостережение

Но здесь толкователь обязан остановить ученика и предостеречь, ибо самый плодоносный инструмент бывает и самым опасным. Аналогия **указывает, но не доказывает**. Она даёт очертание, а не полную меру. Кто забудет об этом, тот примет тень за предмет и построит на подобии больше, чем подобие способно вынести.

Есть три ловушки. Первая — растянуть соответствие дальше, чем оно простирается: сходство в одной черте принять за тождество во всех. Вода отражает солнце, но вода — не солнце, и утонувший в отражении не согреется. Вторая — спутать направление: вообразить, будто малое управляет великим лишь оттого, что ему подобно; ученик, вычитавший в себе устройство мира, не сделался оттого властелином мира. Третья — самая тонкая — забыть, что при восхождении по планам всякое качество *преображается*, а не просто увеличивается. Любовь на плане плоти и Любовь на плане духа связаны соответствием, но вторая не есть первая, помноженная на число. Мудрый пользуется аналогией как посохом на горной тропе — опирается, но не садится на неё верхом, помня, что посох указывает путь, а идти должны ноги.

Практика чтения соответствий

Как же обратить принцип из созерцания в делание? Начни с малого навыка: приучи взгляд *искать в каждой вещи её больший образ*. Наблюдая семя, что молчит в земле прежде, чем прорасти, спроси себя, какие замыслы и какие души проходят тот же закон сокрытого созревания. Видя, как прилив и отлив покорны Луне, спроси, какие приливы и отливы правят твоим настроением и по какому незримому светилу. Так всякое явление становится уроком, а мир — раскрытой книгой.

Затем перейди к деланию внутреннему. Зная, что «как внизу, так и вверху», ученик понимает: устроив порядок в малом своём мире, он согласует себя с миром большим. Успокоенное дыхание успокаивает мысль; выправленная мысль выправляет судьбу — не колдовством, а **вступлением в созвучие** с тем, что выше. В этом тихая власть герметиста: он не ломает законы, он находит своё верное место в их согласии, и тогда великое течение несёт его, вместо того чтобы противостоять ему.

«Не подымай мир — выпрями себя, и мир, тебе соответственный, выпрямится вместе с тобою.»

Созерцание

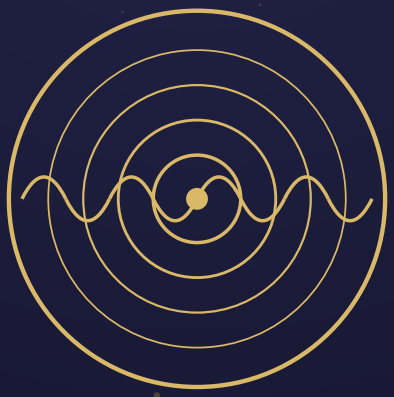
Замри на пороге сна или на исходе дня и произнеси про себя древнюю строку: *как вверху, так и внизу*. Не разбирай её умом — дай ей опуститься глубже. Почувствуй, что расстояние между звездой и мыслью о звезде, между Богом и малой искрой в твоей груди, есть расстояние по одной лестнице, а не через пропасть. Ты не заперт на своей ступени: над тобою и под тобою — единый узор, и ты сам есть его завиток, где большое и малое встретились и назвали друг друга братьями. Смотри в это спокойно и долго. Тот, кто научился читать соответствия, никогда больше не одинок во Вселенной, ибо всюду узнаёт черты одного и того же Лица.

· · ·

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

III

Принцип Вибрации

«Ничто не покоится; всё движется; всё вибрирует.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО III

Вибрация

«Ничто не покоится; всё движется; всё вибрирует.»

Есть слово, которое древние Посвящённые произносили с особым трепетом, ибо оно раскрывает тайну самого бытия: *движение*. Всё, что кажется незыблемым, — камень под ногой, гора на горизонте, само молчание пустоты, — на деле кипит, дрожит, поёт. Третий великий Принцип Гермеса Трисмегиста гласит, что нет мёртвого покоя нигде во Вселенной, а есть лишь бесчисленные степени движения. Кто постигнет это, тот берёт в руки скипетр власти над собою и над явлениями, ибо владеющий вибрацией владеет и её плодами.

Всё есть вибрация — от Духа до грубой материи

Три Посвящённых, оставившие нам «Кибалион», передают древнюю максиму с прямотою резца по камню:

«Ничто не покоится; всё движется; всё вибрирует.»

Наука позднейших веков лишь подтвердила то, что герметисты знали изначально: **материя не есть плотная и мёртвая субстанция, но сгусток движения**. Там, где глаз видит незыблемую стену, там на деле пляшут неисчислимые частицы, не соприкасаясь, вращаясь в пустоте, будто светила в малой вселенной. Твёрдость — это иллюзия, порождённая скоростью. Так и лопасть колеса, вращаясь стремительно, кажется сплошным диском, хотя между её спицами зияет пустота.

Но Принцип идёт дальше грубого вещества. Он учит, что от самой низшей материи до чистейшего Духа простирается единая непрерывная лестница вибраций. Различие между свинцом и золотом, между камнем и мыслью, между червём и ангелом — не различие природы, а различие *частоты*. Дух, ВСЁ в высшем Его проявлении, вибрирует со скоростью столь безмерной, что кажется покоящимся, — подобно тому как быстро вращающееся колесо в некий предел скорости словно замирает для глаза. Так высшее и низшее встречаются: абсолютный покой и абсолютное движение по виду неотличимы, и в этом сокрыт парадокс, доступный лишь созерцанию.

Шкала вибраций: различие проявлений есть различие частот

Вообрази единую струну, натянутую через всё мироздание. Тронь её медленно — родится грубая материя, холодная, тёмная, тяжёлая. Ускорь колебание — и вот уже теплота, что ощутима, но незрима. Ещё быстрее — и рождается свет, и глаз ловит цвета, каждый из которых есть лишь ступень частоты: красный медленнее, фиолетовый быстрее. За пределом видимого — лучи, коих око не различает, но они действуют. Далее — звук иных сфер, магнетизм, электричество, а за ними то, чему земной язык не дал ещё имени.

Всякое проявление — тепло, свет, звук, притяжение, самая жизнь и самая мысль — суть лишь разные ноты одной беспредельной гаммы. Меняется число колебаний — меняется и облик явления. Вода при медленной вибрации есть лёд, при средней — влага, при быстрой — незримый пар. Вещество не изменилось; изменилась частота. В этом ключ ко всей алхимии: превратить одно в другое означает не уничтожить и создать заново, но *перенастроить темп колебания*.

Мысль, чувство и вибрация

Здесь герметист совершает шаг, перед которым отступает обыденный ум: он утверждает, что и мысль, и чувство суть вибрации, столь же реальные, сколь колебание струны или луч света. Гнев, страх, вожделение — это низкие, тяжёлые, замедленные ритмы души. Любовь, мужество, ясная радость, благоговение — ритмы высокие, стремительные, светоносные.

Оттого-то человек, охваченный страхом, заражает страхом целую толпу без единого слова, а присутствие мужа спокойного и цельного усмиряет смятение вокруг него. **Мы непрестанно излучаем свою частоту и непрестанно купаемся в чужих.** Настроение, что «навалилось без причины», нередко есть чужая вибрация, которую душа приняла, не заметив. Комната, где долго страдали, хранит тяжесть; место молитвы хранит тишину. Ничто из излучённого не пропадает, ибо всё есть движение, а движение передаётся.

«Дабы уничтожить нежелательный ритм вибрации, приведи в действие Принцип Полярности и сосредоточься на противоположном полюсе того, что желаешь устранить.»

Ментальная трансмутация как изменение вибрации

Из сказанного рождается величайшее из практических следствий Принципа — *ментальная трансмутация*. Если состояние души есть частота, то изменить состояние значит изменить частоту. Это и есть искусство древних магов, лишённое всякого суеверия: власть перевести собственную вибрацию с низшей ступени на высшую сознательным усилием воли.

Обыкновенный человек — раб своих вибраций: приходит уныние, и он унывает; приходит гнев, и он гневается, как лист покорен ветру. Владеющий же Принципом поступает иначе. Он не борется с тьмою напрямую, ибо борьба лишь питает то, чему противостоит. Он **поднимает частоту** — так, как поднимают ноту, — и низшее состояние отпадает само, не найдя более созвучия в переменившейся душе. Свет не сражается с тьмою; он просто входит, и тьмы уже нет. Такова тайна: не подавлять низкое, но восходить к высокому, покуда низкое не сможет за тобою последовать.

Воля, направленное внимание, ритмическое дыхание, произнесённое слово, удержанный образ — вот инструменты, коими мастер настраивает струну своего существа. Он есть музыкант, чей инструмент — он сам.

Настройка на высокие вибрации и защита от чужих

Кто познал, что живёт в океане вибраций, тот учится двум искусствам разом: *настраиваться* на желанное и *затворяться* от чуждого. Ибо душа подобна струне, что отзывается на созвучные ей звуки: думающий о низком входит в согласие с потоками низкого и питается ими; устремлённый ввысь притягивает высокое. Мы становимся тем, чему созвучны.

Защита же не в вражде и не в напряжённом отталкивании — напряжение само есть низкая нота и лишь распахивает дверь. Защита — в **твёрдости собственной частоты**. Когда струна звучит своим полным и чистым тоном, чуждый ритм не властен сбить её; она не резонирует с тем, чему не сродна. Оттого спокойный и цельный человек проходит сквозь толпы смятения неуязвимым, тогда как душа расстроенная и пустая ловит всякое веяние. Держи свою ноту — и станешь неприступен. Утрать её — и станешь эхом чужих голосов.

Практика владения собственной вибрацией

Принцип, не воплощённый в делании, есть мёртвая буква. А потому обратим умозрение в упражнение. *Первое*: наблюдай. Научись в течение дня ловить, какова частота твоей души в этот час — тяжела ли она и мутна или светла и подвижна. Одно уже наблюдение начинает возвышать, ибо наблюдающий стоит выше наблюдаемого.

Второе: избери противоположный полюс. Настигнутый унынием, не воюй с ним, но вызови в себе образ и ритм радости — вспомни, вообрази, вдохни глубоко и мерно, и

держи высокую ноту, покуда низшая не рассеется. *Третье*: береги среду. Знай, что места, лица и слова суть источники вибраций; входи туда, где звучит высокое, и оставляй то, что тянет вниз. *Четвёртое*: излучай сознательно. Помни, что всякое твоё состояние есть дар или отрава для мира, ибо оно излучается вовне. **Стань источником той вибрации, в какой хотел бы жить сам.**

Так шаг за шагом раб превращается в мастера. Он более не спрашивает: «Отчего мне тяжело?» — но говорит: «Какую ноту я изберу?» И в этой перемене вопроса заключена вся свобода, обещанная Гермесом.

Созерцание

Замри на миг — и вслушайся. Под тишиною, что тебя окружает, звучит неумолчная песнь движения: дрожат частицы камня, трепещет воздух, вращаются светила, пульсирует самая твоя кровь. Ты не вещь среди вещей, но *звучащая струна* в беспредельной гармонии Всего. И тебе одному дано выбирать, какую ноту извлечь. Не проси тишины у мира, где нет покоя нигде; проси лишь власти над собственным звучанием. Подними свою частоту тихо, без борьбы, как поднимают взор к утреннему свету, — и почувствуй, как отпадает тяжесть, не найдя более, за что удержаться. **Ты есть то, чему созвучен.** Настрой же себя на высшее — и высшее отзовётся.

· · ·

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

IV

Принцип Полярности

«Всё двойственно; всё имеет полюса; всё имеет свою пару противоположностей.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО IV

Полярность

«Всё двойственно; всё имеет полюса; всё имеет свою пару противоположностей.»

Есть в природе вещей закон столь простой, что глаз проходит мимо него, и столь глубокий, что на нём держится искусство всех Посвящённых. *Три Посвящённых*, оставившие нам «Кибалион», назвали его четвёртым великим началом — **Принципом Полярности**. Он гласит, что всё двойственно, что у всякой вещи два полюса, что каждая пара противоположностей есть лишь два конца одной оси. Кто постиг это, тот получил ключ, которым отпираются двери, наглухо запертые для непосвящённого: ключ к перемене собственного состояния и состояния вещей.

Две крайности одной вещи

Спросим себя: где кончается тепло и начинается холод? Мы говорим «жар» и «стужа», будто это две разные сущности, два враждебных царства. Но термометр не знает двух субстанций — он знает одну шкалу и на ней движущийся столбик. *Тепло и холод — не две вещи, а одна вещь в двух степенях.* Нет такой точки, о которой можно сказать: здесь окончилось горячее и родилось иное, по имени холодное. Есть лишь «более» и «менее» единого качества, которое древние звали температурой.

Так же и свет с тьмою. Тьма — не противник света, посланный из другого мира; тьма есть отсутствие света, нижний конец той же лестницы. Так же высокое и низкое, большое и малое, острое и тупое, шум и тишина. И — что важнее для человека — так же любовь и ненависть, смелость и страх, радость и печаль. Мы привыкли считать их непримиримыми, а они суть **полюса одной оси чувства**.

«Всё двойственно; всё имеет полюса; всё имеет свою пару противоположностей; подобное и неподобное — одно и то же. — Кибалион.»

Тождество по природе, различие по степени

Вглядись в эту максиму: «подобное и неподобное — одно и то же». В ней нет игры слов, в ней ядро всего Учения. Противоположности *тождественны по природе и различны лишь по степени*. Любовь и ненависть кажутся несоединимыми, но обе суть напряжение сердца, обращённого к предмету. Равнодушие — вот их общая середина, точка, где стрелка стоит на нуле. Тот, кто любит пылко, легче обращается в ненавидящего, чем тот, кто холоден: ибо горячей ненависти нет там, где не было горячей любви. Они близки, как вершина и подножие одной горы.

Отсюда правило Герметиста: **сходятся и превращаются друг в друга лишь вещи одного рода**. Тепло не превратишь в остроту звука, ибо это разные оси. Но тепло в холод, страх в мужество, вражду в приязнь — превращаются, ибо это концы единой линии. Крайности встречаются, и «всё истинное есть лишь наполовину истинное», как учили древние: всякая истина — полуистина, ибо у неё есть свой второй полюс, невидимый тому, кто стоит на первом.

Искусство поляризации

Если тепло и холод — одна шкала, то и перейти от одного к другому можно, не перепрыгивая пропасть, а восходя по ступеням. В этом всё *Искусство Поляризации*. Алхимик не уничтожает свинец, чтобы из пустоты сотворить золото, — он поднимает вибрацию единого вещества по его шкале. И душевный алхимик не истребляет страх, чтобы на его пепле воздвигнуть мужество, — он **перемещает себя по той же оси**, от нижнего полюса к верхнему.

Заметь тонкость: нельзя силою воли обратить холод в жар, стоя вне вещи. Но можно менять свой полюс, ибо в области Ума мы сами держим и стрелку, и шкалу. Не отменяй чувство — *переверни его знак*. Не гаси печаль насилием, а восходи по ступеням до радости, зная, что это та же нота, взятая октавой выше.

«Ум (как и металлы, и элементы) может быть трансмутирован из состояния в состояние, из степени в степень, из условия в условие, с полюса на полюс. — Кибалион.»

Ментальная трансмутация: перемещение полюса

Вот сердцевина герметической практики. Ветхий человек ждёт, чтобы страх ушёл сам, и потому остаётся его пленником. Посвящённый знает: страх и мужество — одна ось, и стрелку двигает тот, кто держит внимание. Он не сражается с боязнью — он **поднимает себя к мужеству по её собственной шкале**. Ибо энергия, что дрожала в страхе, есть та самая энергия, что горит в отваге; меняется не топливо, а направление пламени.

Так же ненависть возводится в любовь — не забвением, не притворством, но перемещением полюса на оси приязни. Так уныние восходит к бодрости, слабость — к силе, смута — к покою. И здесь важно понять, что *у высшего полюса — большая власть над низшим, а не наоборот*. Любовь способна растворить ненависть, ибо стоит выше на шкале; но ненависть не властна погасить зрелую любовь, если та удерживает свой полюс. Свет рассеивает тьму, тьма не гасит свет. Оттого работа идёт всегда снизу вверх, к полюсу силы, и оттого она возможна: восходящий опирается на самый закон.

Полярность мысли, добра и истины

Закон правит не только чувством. В самом мышлении верхний полюс — сосредоточенное, ясное созерцание, нижний — рассеянная, дремотная смута; и мыслящий волен восходить и нисходить. В нравственном мире добро и зло — не две державы, ведущие вечную войну, но *верхняя и нижняя степень единого*. «Зло» есть менее проявленное «добро», нижний конец лестницы, а не отдельное царство мрака. Оттого мудрый не ужасается злу как чуждой силе, но видит в нём неразвитое благо и знает, куда двигать стрелку.

И даже истина знает свои полюса: то, что истинно на одном уровне созерцания, оборачивается лишь полуправдой на высшем, и всякое суждение есть точка на оси между заблуждением и знанием. Мудрость не в том, чтобы вцепиться в один полюс и отвергнуть другой, а в том, чтобы **видеть всю ось разом** и свободно проходить её. Кто клянётся одним полюсом, тот раб; кто владеет обоими, тот господин.

Практика перемены полюса в себе

Учение мертво без делания, потому прими простое упражнение. Когда налетит недоброе состояние — страх, тоска, гнев, — не гони его и не тони в нём. Остановись и назови ось: *«Это нижний полюс. Где верхний?»* У страха верхний полюс — мужество; у тоски — благодарная радость; у гнева — спокойная сила. Установив имя высшего полюса, обрати к нему всё внимание — не отрицая нижнего, а восходя от него, как поднимают столбик термометра.

Держи мысль на верхнем полюсе упорно, ибо стрелка идёт туда, куда прикован взор. Вспомни телесно то состояние, дыши в его ритме, говори его словами. Ты почувствуешь, как та же самая сила, что дрожала внизу, разгорается наверху, — ибо это **одна энергия, лишь перевёрнутая знаком**. Не жди мгновенного чуда: восхождение по шкале требует навыка, как всякое искусство. Но с каждым разом рука твёрже ложится на руль, и придёт час, когда перемена полюса станет для тебя такой же простой, как повернуть лицо от тени к солнцу.

Созерцание

Стань посреди своих противоположностей и вглядись: между любовью и ненавистью, страхом и отвагою, ночью и днём твоей души — нет пропасти, есть лестница. Ты не брошен между двумя враждебными мирами; ты стоишь на единой оси, и рука твоя лежит на её движущей стрелке. Всё, что мучит тебя внизу, есть та же сила, что вознесёт тебя вверх, — стоит лишь переменить полюс. Дыши ровно и скажи себе тихо: *«Всё двойственно; и у всякой тьмы во мне есть её свет, взятый той же нотой, октавой выше»*. Поднимись к нему — и пребудь в мире.

· · ·

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

V

Принцип Ритма

«Всё втекает и вытекает; всё имеет свои приливы и отливы.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО V

Ритм

«Всё втекает и вытекает; всё имеет свои приливы и отливы.»

Есть в мироздании дыхание, которому подчинено всё сущее: вдох и выдох, набегание и откат, восхождение и нисхождение. Пятый герметический принцип, *Принцип Ритма*, открывает нам, что ничто не пребывает в покое, ибо всякое движение вершится качанием — от одного предела к другому и обратно. Три Посвящённых, оставившие нам **Кибалион**, передали слова Гермеса Трисмегиста так, чтобы ищущий услышал в них не отвлечённую истину, но закон собственной жизни. Внемлем маятнику.

Маятник, качающийся во всём

Оглянись окрест и внутрь себя — и всюду ты найдёшь размеренное качание. Звёзды рождаются и гаснут, миры сгущаются из туманностей и вновь рассеиваются в прах, из которого встанут иные миры. Времена года катятся колесом: за расцветом лета неотвратимо следует оскудение зимы, а за нею — новое пробуждение. Прилив вздымает воды и отступает, обнажая дно, чтобы вернуться в положенный час.

Но не думай, что закон этот правит лишь громадами вещества и не касается тонкого. Он проникает в самую сердцевину души. Настроения человека суть тот же маятник: за подъёмом воодушевления приходит спад уныния, за жаром страсти — холод остывания, за весельем пиршества — тяжесть похмельной тоски. То, что мы зовём переменчивостью нрава, есть не что иное, как ритмическое качание внутреннего отвеса.

«Всё поднимается и опускается; маятник проявляется во всём.»

Закон компенсации

Гермес открывает тайну более глубокую, нежели простое наблюдение качания. Он возвещает **меру**: размах вправо равен размаху влево. Насколько маятник отклонился в одну сторону, настолько же отклонится он и в противную. Это и есть *Закон Компенсации*, вписанный в самую ткань ритма.

Кто способен на великую радость, тот отверзает в себе и сосуд великой скорби равной глубины. Душа грубая, малочувствительная, качается коротко — её восторги неярки, но и печали её неглубоки. Душа же тонкая и пылкая размахивает широко: её взлёты возносят к небу, но откат её ввергает в бездны, о которых чёрствый и не подозревает. Всякое наслаждение оплачивается равновеликим лишением, и всякая власть возвышения

искупается глубиною последующего склонения.

«Мера размаха вправо есть мера размаха влево; ритм уравновешивается.»

В этом нет ни кары, ни милости — есть лишь беспристрастное равновесие. Природа не даёт даром и не отнимает без счёта; она лишь возвращает маятник в положенную точку, чтобы вновь отпустить его в обратный путь.

Ритм в делах, здоровье и судьбах народов

Взгляни на дела человеческие. Всякое предприятие знает свой прилив удачи и свой отлив неурядиц; мудрый не обольщается первым и не сокрушается вторым, ибо ведает, что за одним следует другое. Богатства собираются и расточаются, поколение наживает — поколение проматывает. Империи возносятся к вершине могущества лишь затем, чтобы с той же неотвратимостью склониться к упадку: чем горделивее был их взлёт, тем сокрушительнее падение.

Здоровье телесное подчинено тому же качанию — жар и озноб, напряжение и упадок сил, бодрость и утомление сменяют друг друга волнами. Целитель, постигший ритм, не борется с отливом сил безрассудно, но выжидает прилива и споспешествует ему.

В истории народов Принцип виден с особой ясностью. Века веры сменяются веками сомнения, эпохи расцвета искусств — эпохами варварства, порывы вольности — временами оков. Маятник общественного духа качается от одной крайности к противоположной, и всякий чрезмерный размах в одну сторону есть верное предвестие равного размаха в другую. *Так возмездие истории есть не что иное, как компенсация ритма.*

Закон Нейтрализации

Но Посвящённые не для того лишь открывали закон, чтобы человек покорно ему отдавался. Гермес учит: **Принципом можно пользоваться, но нельзя его упразднить.** Никто не в силах отменить маятник — но мудрый способен *подняться над ним*. В этом искусство, именуемое **Законом Нейтрализации**.

Вообрази маятник, качающийся на своей оси. Внизу, на конце отвеса, размах наибольший — там смятение и швыряние из крайности в крайность. Но чем ближе к точке подвеса, тем меньше качание; в самой же точке опоры царит неподвижность, вокруг которой вращается всё. Посвящённый переносит средоточие своего сознания из качающегося конца в неподвижную ось. Он не отменяет маятник низшего «я» — он перестаёт с ним отождествляться.

«Мудрый служит низшему, властвуя над высшим.»

Так, поднявшись в неподвижную точку духа, человек наблюдает, как обратное качание чувств проходит внизу, не увлекая его. Волна уныния накатывает — но он стоит на скале и не тонет.

Отказ отождествляться с обратным качанием

Вот в чём средоточие практики: **не давать обратному размаху увлечь себя.** Когда приходит к тебе час подъёма — радости, вдохновения, любовного жара, — не отдавайся ему без остатка, не позволяй маятнику качнуть тебя до предела. Ибо запомни неумолимо: чем дальше зайдёшь в подъёме, тем дальше отбросит тебя в спаде. Сберегая себя от крайности восторга, ты полагаешь тем самым предел и грядущей скорби.

И наоборот — когда накатывает отлив, когда тускнеет мир и опускаются руки, не отождествляйся с этим настроением, не говори себе «таков я и таков мир». Скажи: *«Это лишь качание маятника, оно пройдёт, как проходило прежде»*. Уныние есть гость, а не хозяин; наблюдай его со стороны неподвижной оси, и он минует тебя, не пустив корней. Тот, кого не увлекает откат, у того и следующий взлёт начинается не из бездны, а с ровного места.

Практика удержания равновесия духа

Как же обрести эту неподвижную точку? Не насилием над чувствами и не бесчувствием, но **ровным присутствием наблюдателя**. Приучи себя в час волнения отступать на шаг внутрь и говорить: «нечто во мне волнуется, но я — тот, кто видит это волнение». Это малое отступление и есть перенос сознания к оси.

Поляризуй себя сознательно на высшем полюсе своего существа. Когда предчувствуешь набегание тёмной волны, утвердись заранее в мысли о своём непреходящем средоточии, и волна разобьётся о твою собранность. Так поступали Посвящённые: они позволяли настроениям низшего плана проходить, сами же пребывали в невозмутимости плана высшего.

«Всё втекает и вытекает; всё имеет свои приливы и отливы; ритм уравновешивается.»

Не мни, будто этим ты изгонишь ритм из жизни. Маятник качается по-прежнему — вершится смена дня и ночи, труда и отдыха, и это благо. Но ты более не игрушка размаха; ты — рука, держащая часы, а не гиря, мечущаяся в них.

Созерцание

Сядь в тишине и почувствуй в себе дыхание великого ритма — вдох, что наполняет, и выдох, что опустошает. Отпусти обе крайности и опустись сознанием к той неподвижной точке, вокруг которой качается всё преходящее. Скажи себе тихо: *приливы придут и отхлынут, взлёты вознесут и опадут, но я пребываю в оси, и ось недвижна*. Когда качнёт тебя завтрашний день — вспомни маятник и улыбнись его размаху. Ибо тот, кто нашёл неподвижную точку в себе, обрёл покой, которого не отнимет ни один прилив и не обнажит ни один отлив.

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

VI

Принцип Причины и Следствия

«Всякая причина имеет своё следствие; случай есть лишь имя незнаемого закона.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО VI

Причина и следствие

«Всякая причина имеет своё следствие; случай есть лишь имя незнаемого закона.»

Есть в цепи семи начал одно, что стоит стражем у самых врат разумения, ибо оно отделяет спящего от пробуждённого, орудие от мастера, следствие от причины. Шестой принцип Кибалиона говорит нам: *«Всякая причина имеет своё следствие; всякое следствие имеет свою причину; всё совершается согласно Закону; случай есть лишь имя незнаемого закона; есть много планов причинности, но ничто не избегает Закона.»* В этих словах Трёх Посвящённых скрыт ключ, отпирающий разницу между теми, кого несёт течение, и теми, кто правит вёслами.

Случай — имя нашего незнания

Люди говорят «случай» там, где им недостаёт зрения. Монета падает орлом или решкой, и невежда зовёт это случаем; но посвящённый видит цепь: силу пальца, угол броска, плотность воздуха, трепет мышцы, что дрогнула в неуловимый миг. Ничто из этого не случайно — всё сцеплено, всё согласно Закону. **Случай есть не отсутствие причины, а отсутствие нашего знания о причине.**

Гермес Трисмегист учил, что Вселенная есть Всеобъемлющий Разум, и в этом Разуме нет прорех, нет пустот, где могла бы завестись беспричинность. Слепой слепень бьётся о стекло и не ведает, что такое стекло; так и человек, ударяясь о невидимые законы, называет их роком, удачей, невезением. Он даёт имена своему неведению и поклоняется этим именам.

«Там, где толпа видит случай, мудрец читает закон; там, где толпа молит судьбу, мудрец изучает причину.»

Цепь причин и многие планы причинности

Всякое следствие само становится причиной следующего, и так тянется цепь без начала видимого и без конца достижимого. Ты стоишь здесь и сейчас как следствие бесчисленных причин — рождения, крови предков, слов, услышанных в детстве, книг, прочитанных вчера. И одновременно ты — причина того, что ещё не наступило.

Но Кибалион предупреждает: *есть много планов причинности.* Причина физическая рождает следствие физическое; причина умственная — следствие в мире мысли; причина духовная тянется в области, которых плоть не касается. Событие может иметь корни на плане, недоступном твоему взгляду, и потому казаться беспричинным здесь, внизу. Астролог древности знал это: он не думал, будто звёзды принуждают, — он читал в них знаки причинности высшего плана, отражённой в низшем, как лик отражается в воде.

Ошибка ума в том, что он ищет причину следствия на том же плане, где видит следствие. Но нить нередко уходит вверх или вниз, сквозь этажи бытия. Оттого столько загадок кажутся нам чудом или случаем — мы разглядываем узор ковра снизу, не ведая руки ткача.

Большинство людей — следствия, а не причины

Здесь трактат становится суровым, ибо истина не всегда льстит. **Большинство людей суть следствия, и лишь следствия.** Они — орудия в руках тех, кто стоит выше по лестнице причинности. Их несёт наследственность, что вложила в них склонности, о которых они не просили. Их лепит среда, чьи мнения они принимают за собственные думы. Их движет внушение — слова улицы, крик толпы, шёпот моды, приказ страха.

Такой человек мнит, будто выбирает, а на деле лишь отзывается. Ему бросают мысль — он её думает и зовёт своей. Ему внушают желание — он его жаждет и зовёт своим влечением. Он подобен пробке на волнах: она движется, да, но не своим движением; она поднимается и падает, воображая, будто это её воля возносит и роняет её.

«Настроения, чувства, страсти, желания и поступки многих суть не что иное, как отражённое действие воль и умов иных, а также среды, наследия и внушения.»

Печаль не в том, что есть высшие причины, а в том, что человек не ведает о своём рабстве и потому не ищет освобождения. Раб, знающий о цепях, уже наполовину свободен; раб, целующий свои цепи как украшение, — раб дважды.

Как перестать быть следствием и стать причиной

Кибалион не проповедует отчаяния — он даёт метод. Ученик Герметизма учится подниматься по шкале причинности, покидая уровень безвольного отклика и восходя туда, откуда он сам становится источником движения. Он не отменяет над собою причины высшие — этого не может никто, — но он выходит из-под ударов причин низших, тех, что правят толпой.

Как это делается? Прежде всего — через **бдительность**. Наблюдай за собою так, словно ты смотришь на другого. Когда поднимается гнев, спроси: чей это гнев? Кто бросил в меня это семя? Когда влечёт желание, спроси: моё ли оно или внушённое? Уже само это

наблюдение отрывает тебя от волны — ты перестаёшь быть волной и становишься тем, кто смотрит на воду с берега.

Затем — через **перемещение центра тяжести** из чувствующего «я», что качается от каждого толчка, в наблюдающее «Я», что стоит неколебимо. Низшее «я» есть перекрёсток чужих причин; высшее «Я» есть исток причин собственных. Кто утвердился в высшем «Я», тот перестаёт отражать и начинает излучать.

«Владеющие собою правят вещами и людьми не вопреки Закону, а становясь для низших планов тем, чем высшие являются для них.»

Свобода есть согласие с Законом, а не бунт против него

Здесь лежит тончайшее место всего учения, и на нём спотыкается всякий гордец. Свобода посвящённого — *не* в нарушении Закона. Закон нерушим; кто идёт против него, того он сокрушает, как волна сокрушает того, кто плывёт ей встречь. Свобода — в **согласии с Законом** и в искусном употреблении законов высших против законов низших.

Смотри, как поступает мудрый: он не отменяет тяготения, но, познав законы воздуха, поднимает над землёю крыло. Он не спорит с огнём, но, зная его природу, ставит его себе на службу. Так и в мире душевном: ты не изгонишь Закон причинности, но можешь ввести причину высшую, что перевесит причину низшую. Внушению толпы противопоставь ясную волю; наследственной вспыльчивости — воспитанное спокойствие; страху, вложенному средой, — знание, добытое трудом.

Плывущий вниз по реке покорен ей и зовёт это волей; плывущий поперёк, к берегу, тоже пользуется рекой, но идёт своим путём. Он не сильнее воды — он мудрее. Такова свобода герметиста: не разорвать цепь причинности, но взять её конец в свою руку.

Практика причинного бытия

Слово без дела мертво, потому обрати учение в упражнение. Возьми день свой как поле труда. Утром, прежде дел, положи одну сознательную причину — намерение ясное и твёрдое — и весь день следи, как оно прорастает следствиями. Так ты приучаешь себя быть сеятелем, а не почвой, куда ветер бросает чужие семена.

В час, когда что-либо толкнёт тебя — обидное слово, соблазн, тревога, — остановись на удар сердца прежде отклика. В этом промежутке, малом, как искра, живёт вся твоя свобода. Кто отвечает мгновенно, тот следствие; кто вставляет между толчком и ответом хоть искру сознания, тот уже причина. **Расширяй этот промежуток — в нём растёт твоя воля.**

Отучись говорить «так вышло», «мне не повезло», «судьба». Взамен спрашивай: какая причина это родила и какою причиною я отвечу? Не для того, чтобы казнить себя виною,

но чтобы вернуть себе власть. Ибо кто признаёт себя причиной своих следствий, тот берёт в руки руль; кто винит случай, тот бросает руль в воду.

«Мудрый служит высшему, но правит низшим. Так исполняет он герметическую заповедь.»

Созерцание

Сядь в тишине и вообрази великую цепь, уходящую ввысь и вглубь, где всякое звено держит другое, и нет разомкнутых концов, и нет провалов пустоты. Увидь себя звеном этой цепи — не оброненным случайно, но вплетённым по Закону. А затем почувствуй в себе то недвижное, что смотрит на цепь и не есть цепь: наблюдателя, исток, тихую точку, откуда исходит воля.

Скажи себе без слов: *«Я не пробка на волне. Я не эхо чужих голосов. В том промежутке между толчком и ответом я стою свободный, и оттуда я творю причины»*. И сиди так, пока покой не станет глубже мысли. Тогда встань — и войди в день не как следствие, но как причина, согласная с Законом, что всё держит и никого не минует.

· · ·

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

VII

Принцип Пола

«Пол — во всём; всё имеет своё мужское и женское начало.»

ПО УЧЕНИЮ КИБАЛИОНА

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ · ТРИ ПОСВЯЩЁННЫХ

НАЧАЛО VII

Пол

«Пол — во всём; всё имеет своё мужское и женское начало.»

Есть Принцип, который безмолвно правит рождением каждой вещи — от вспышки далёкой звезды до едва слышной мысли, вспыхнувшей в тишине созерцающего ума. Три Посвящённых называют его **Принципом Пола** и утверждают с трисмегистовой прямотой: *«Пол — во всём; всё имеет своё мужское и женское начало; Пол проявляется на всех планах.»* Здесь нет и тени телесного; речь о двух вечных ликах творящей силы — о Воле, что проецирует, и о Восприятии, что зачинает. Понять этот Принцип — значит взять в руки самый корень созидания.

Два начала во всяком творении

Вглядись в любое рождение, и ты найдёшь в нём двоицу. Чтобы нечто *стало*, требуется тот, кто изливает, и та, что принимает; сила, устремлённая вовне, и лоно, готовое зачать. Мужское начало есть **проекция, воля, дающий импульс**; женское начало есть **восприятие, вынашивание, творящая тишина**. Ни одно из них не выше другого, ибо семя без почвы бесплодно, а почва без семени пуста.

Герметист не смотрит на это как на образ или поэтическую вольность. Он видит в двоичности сам механизм проявления Единого. Всё Сущее, оставаясь в своей глубине неделимым, для того чтобы *творить*, разделяет себя внутри себя на дающее и приемлющее. Так рождается вселенная — не из одного, но из брака одного с самим собою.

«Всякое рождение есть встреча: там, где воля касается восприятия, зажигается новое.»

Ментальный Пол: «я» и «мне» внутри ума

Кибалион уводит нас от внешнего вглубь — к **ментальному Полу**, где Принцип обнажает свою суть. В каждом уме живут двое. Есть то, что говорит *«Я»* — начало волевое, направляющее, отражающее себя от себя; и есть то, что говорит *«мне»* — начало приемлющее, в котором всплывают образы, чувства, семена мыслей.

«Я» — это мужское в уме: оно желает, полагает, устремляет внимание, как луч. «Мне» — женское в уме: оно вынашивает, соединяет, творит из полученного новое. Обыденный человек живёт почти всецело в «мне»: он принимает чужие внушения, носит в себе плоды, посеянные другими, и мнит их своими. Посвящённый же учится пробуждать «Я» —

властное, но не насильственное, — и обращать его к собственному «мне», оплодотворяя себя своими же семенами.

Творчество как внутренний брак

Всякий подлинный акт творчества есть **внутренний брак этих двух начал**. Художник, мыслитель, изобретатель — каждый в миг рождения нового переживает сокровенное соединение воли и восприятия. Волевое «Я» бросает вопрос, замысел, напряжённое желание — и умолкает. Тогда приемлющее «мне» принимает этот импульс в свою тишину, вынашивает его во тьме, недоступной рассудку, и в срок отдаёт готовый плод — озарение, что приходит будто извне, хотя рождено внутри.

Оттого истинное творчество нельзя ни целиком вынудить, ни целиком выждать. Одна воля без восприятия иссушает и рождает мёртвые построения; одно восприятие без воли расплывается в мечтательности, ничего не завершая. Мастер держит оба начала в живом согласии: он *хочет* и *внемлет*, направляет и уступает, — и в этом ритме дыхания рождается живое.

«Замысел — это семя воли, брошенное в тишину восприятия;
терпение — это срок, в который оно вызревает.»

Пол — не Полярность

Здесь должно отвести распространённое смешение. **Пол не есть Полярность.** Четвёртый Принцип, Полярность, говорит о парах противоположностей одной природы — о тепле и холоде, любви и ненависти как о двух концах единой шкалы, переходящих друг в друга. Пол же говорит не о степенях одного качества, а о двух *деятельных ролях* в самом акте порождения.

Полярность объясняет, *что* преображается — как одно состояние восходит к своей противоположности. Пол объясняет, *как совершается рождение* — через встречу дающего и приемлющего. Мужское и женское начала не суть враги на концах оси; они соработники, чья цель — не победа одного над другим, но плод их союза. Смешавший эти два Принципа обрекает себя блуждать в понимании обоих.

Злоупотребление силой и целомудрие воли

Всякая великая сила искушает злоупотреблением, и творящий Принцип — не исключение. Тот, кто ощутил в себе власть волевого «Я» проецировать образы в чужое приемлющее «мне», стоит на распутье. Он может обратить эту силу к внушению, обольщению, порабощению чужого ума — и тогда семя, брошенное им, порождает уродливые всходы, а закон отдачи возвращает посеянное сеятелю.

Оттого герметист чтит **целомудрие силы** — не как воздержание, но как *чистоту направления*. Целомудрен тот, чья воля не расточается вовне на власть над другими, а собирается вовнутрь, к собственному творящему лону. Он бережёт своё «мне» от случайных, чужих, низких внушений, как страж бережёт врата, и допускает в него лишь то, чему сам желает дать жизнь. Так сила, не растраченная и не осквернённая, копится и восходит, питая высшее творчество.

«Расточающий семя воли вовне — беднеет; собирающий его вовнутрь — творит миры.»

Практика внутреннего сочетания

Обрати теперь Принцип в делание. Сядь в тишине и раздели в себе двоих. Ощути *«Я»* — того, кто наблюдает, желает, направляет; и *«мне»* — то поле, где всплывают образы. Сперва лишь различай их, не смешивая: пусть «Я» спокойно смотрит, как в «мне» приходят и уходят мысли, — так пробуждается власть, ибо кто видит свои мысли, тот уже не всецело ими рождён.

Затем соверши сознательное зачатие. Возьми ясный замысел — вопрос, который хочешь разрешить, или образ, который хочешь вызвать к жизни. Волею «Я» вложи его в «мне» — чётко, кратко, с тёплым желанием, — и **отпусти**. Не терзай, не понукай, не проверяй ежемгновенно. Доверься вынашиванию. Займись иным или пребудь в покое. В свой срок приемлющее начало отдаст тебе плод — решение, образ, ясность, — пришедшие с той несомненностью, с какою вызревшее падает с ветви.

Повторяя это, ты научаешься быть *обоими родителями своего внутреннего дитя*. Ты перестаёшь быть лишь почвой для чужих посевов и становишься садовником собственного ума — тем, кто сам сеет и сам взращивает. В этом и есть овладение Седьмым Принципом: не отвергнуть ни одно из начал, но обвенчать их в себе.

Созерцание

Побудь в тишине и внемли двоим, что живут в тебе как одно. Есть в тебе *дающий* — воля, луч, безмолвное «да будет»; и есть в тебе *приемлющая* — лоно, тишина, вынашивающая тьма, из которой восходит свет. Ты не мужчина и не женщина в этом сокровенном; ты — **их брак**, вечное соитие воли и восприятия, из которого течёт всякое твоё творение.

Не гонись сегодня за плодом. Лишь взгляни, как в тебе изливается и как в тебе принимается, — и узнай в этом дыхании самый пульс мироздания. Ибо *Пол — во всём*, и тот, кто примирил два начала в тишине собственного сердца, творит уже не по случаю, но по закону. **Внемли и волей — и станешь родителем света.**

. . .

КИБАЛИОН · СЕМЬ ГЕРМЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ